

© Камкин А.К.¹, 2022**Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ 2010–2022 гг.**

Аннотация. В статье исследуется эволюция германской внешней политики на Ближнем Востоке. Среди причин активизации внешней политики ФРГ на этом направлении выделяются события «арабской весны», которые изменили политический ландшафт Ближнего Востока и создали предпосылки для возможного нарушения территориальной целостности некоторых стран этого региона. Последовавший масштабный миграционный кризис в ЕС 2015–2016 гг. в наибольшей степени затронул именно Германию. Отмечается, что самым ярким примером активизации дипломатии ФРГ на Ближнем Востоке стало соглашение с Турцией о финансировании ее усилий по созданию лагерей для сирийских беженцев. Показана преемственность внешней политики ФРГ: в отношении Ирана Германия последовательно выступает за возврат к Совместному всеобъемлющему плану действий (так называемой ядерной сделке); в палестинском вопросе официальный Берлин на протяжении десятилетий выступает за безопасность Израиля и мирное урегулирование арабо-израильского конфликта. Подчеркивается, что удельный вес ближневосточного направления во внешней политике ФРГ постоянно растет и что Германия становится одним из влиятельных игроков в регионе. Рассматриваются

---

¹ Камкин Александр Константинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (alexander.kamkin@yahoo.com).

связи официального Берлина с монархиями Аравийского полуострова. Делается вывод о многовекторности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Германия, Ближний Восток, Турция, Сирия, Израиль, Палестина, «арабская весна», Ирак, Иран, международный терроризм, миграция.

Присутствие Германии на Ближнем Востоке имеет давнюю историю. Территории Османской империи и нынешних стран Ближнего Востока привлекали внимание Второго рейха в контексте соперничества с другими европейскими державами и Россией. Курс на стратегическое сотрудничество с Турцией был заложен еще в конце XIX в.

После окончания Второй мировой войны и обретения независимости бывшими британскими и французскими колониями, в условиях соперничества двух общественно-политических систем, этот регион не утратил своего значения для обоих немецких государств. Внешнеполитические линии ГДР и ФРГ в регионе значительно расходились. Если ФРГ со времен К. Аденауэра взяла курс на выстраивание особых отношений с Израилем, то ГДР, подобно другим странам соцлагеря, выстраивала тесные отношения с арабскими странами. Только в начале 1970-х годов благодаря новой «Восточной политике» федерального канцлера В. Брандта Лига арабских государств приняла решение об установлении ее государствами-членами дипломатических отношений с ФРГ. Исключением в этом плане являлись монархии Персидского залива: так, Саудовская Аравия установила дипломатические отношения с Западной Германией еще в 1954 г., а ОАЭ – сразу после обретения независимости в 1972 г.

После объединения ГДР и ФРГ в 1990 г. Германия взяла курс на существенное расширение своего присутствия в различных регионах мира. Наряду с Балканами и Восточной Европой одним из основных направлений германской внешней политики стал Ближний Восток. За последние два десятилетия интерес официального Берлина к государствам этого региона заметно возрос. Многочисленные кризисные ситуации в регионе – «арабская весна», свержение правительства «Братьев-мусульман» в Египте в ре-

зультате военного переворота, продолжающийся палестино-израильский конфликт, гражданская война в Йемене, риск войны с участием Ирана – способствовали увеличению политической активности ФРГ на Ближнем Востоке. Особо отметим, что в настоящее время на сирийско-иракском направлении подразделения бундесвера, базирующиеся на севере Ирака и в Иордании, вовлечены в борьбу с международными террористическими организациями, укрепившими свои позиции в данном регионе.

Один из ведущих отечественных германистов В.Б. Белов отмечает, что «вне зависимости от партийного состава правительственной коалиции германскому государству присуща стабильная и прогнозируемая внешняя политика со своей устойчивой системой координат» [Белов, 2021]. Такая характеристика полностью применима и к структурно оформленному ближневосточному вектору внешней политики Берлина. По мнению Н.В. Павлова и К. Хдери, внешняя политика Германии представляет собой «систему “подсистем”, которые, в свою очередь, имеют в своей основе различные составляющие, свои точки отсчета, историю и периодизацию» [Павлов, Хдери, 2018].

К началу XXI в. внешняя политика ФРГ на Ближнем Востоке приобрела ярко выраженный многовекторный характер. Как отмечал немецкий исследователь А. Якобс, линия официального Берлина на Ближнем и Среднем Востоке реализовывалась с учетом интересов европейских партнеров и США, исторической ответственности за безопасность Израиля и с учетом позиции арабских государств [Jakobs, 2001].

Конфликты в данном регионе имеют различную природу. Так, в случае Ирака – это последствия вторжения «коалиции желающих» во главе с США и Великобританией (2003), приведшего к фактическому распаду дотоле единой страны на три части, после чего иракская территория стала реципиентом структур международного терроризма, прежде всего ИГ*. Конфликтogenность в целом резко возросла в условиях «арабской весны». С 2011 г. продолжается затяжной конфликт в Сирии, где к середине 2010-х годов также укрепились террористические группировки. С 2014 г. идет гражданская война в Йемене, в которую вовлечена коалиция стран –

участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАПЗ) с ведущим вкладом Саудовской Аравии и ОАЭ. Остается неурегулированным и палестино-израильский конфликт. В той или иной мере ФРГ стремилась участвовать в урегулировании всех данных конфликтов. За последние два десятилетия интерес Германии к обеспечению безопасности и стабильного развития ближневосточного региона значительно возрос.

Основные направления внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке

По мнению ряда исследователей, германская политика на Ближнем Востоке долгое время характеризовалась достаточной осторожностью и отказом от резких действий [Трунов, 2019; Jakobs, 2001; Maier, Schmidt-Feuerheerd, 2016]. Условным исключением (в реалиях конца 2010-х годов) может считаться курс на поддержку Израиля. При федеральном канцлере А. Меркель ближневосточная политика ФРГ была ориентирована как на укрепление роли Германии в регионе, так и на усиление влияния ЕС в мире [Дворядкина, Черненко, 2014].

В контексте ближневосточного урегулирования официальный Берлин тесно сотрудничает с Тель-Авивом, но при этом взаимодействует и с другими заинтересованными игроками. Так, с 2006 г. бундесвер активно участвует в миссии миротворческих сил ООН в Южном Ливане (*англ.* United Nations Interim Force in Lebanon, UNIFIL). Особенно это касается военно-морской составляющей миссии: в 2006, 2007 и 2009 гг. именно офицеры бундесвера командовали группой надводных кораблей и катеров UNIFIL. Помимо прочего, в задачи бундесвера входит охрана морских границ Ливана, предотвращение контрабанды оружия, подготовка ливанских правительственных военнослужащих [UNIFIL ..., 2022]. Участие в этой миссии, несмотря на определенное критическое отношение со стороны Израиля, содействовало укреплению отношений ФРГ с официальным Бейрутом и властями Палестинской национальной администрации (ПНА). При этом официальный Берлин не требует скорейшего создания отдельного независимого палестинского государства, а скорее выступает за развитие палестино-израильского диалога в этом направлении [Asseburg, 2021].

Так, Берлин не поддержал решение Д. Трампа о переносе посольства США в Иерусалим в декабре 2017 г.

Стратегия Германии на Ближнем Востоке реализуется в соответствии с общими принципами внешней политики ФРГ: отказ от войны в международных отношениях; акцент на общеевропейском подходе во внешней политике; трансатлантизм (особый режим отношений с США как ключевым партнером по НАТО); защита прав человека и демократии; многовекторность и мягкая сила; развитие торгово-хозяйственной кооперации. Основными интересами Германии в регионе являются:

- движение к состоянию безопасности в регионе;
- недопущение возникновения и разрастания конфликтов, которые могут привести к укреплению террористических группировок, стать причиной очередных миграционных кризисов, создать прямую угрозу для стран – участниц ЕС;
- обеспечение стабильности поставок энергоносителей, особенно в свете взятого ЕС курса на отказ от российского газа и нефти;
- наращивание экспорта из ФРГ в страны региона (в том числе продукции ВПК);
- продвижение благоприятного имиджа ФРГ как части Евро-Атлантического сообщества, увеличение удельного веса общественной прослойки, разделяющей базовые ценности «коллективного Запада».

С учетом всего вышесказанного целесообразно давать анализ политики ФРГ в регионе в разбивке по странам и страновым группам.

Сирия: «курдская проблема», борьба с терроризмом и перспективы политического устройства

С самого начала сирийского кризиса (2011) ФРГ возлагала вину за происходящее – гражданскую войну, жертвы среди мирного населения – на действующего президента Сирии Б. Асада. Тезис о непризнании легитимности сирийского правительства остается актуальным для Берлина и по сей день [Антонов, 2021]. С 2012 г. Германия принимает активное участие в работе «Группы друзей Сирии» и «Малой группы по Сирии», занимающихся информационным обеспечением и политической поддержкой различных

антиасадовских сил – от протурецких исламистов до «умеренной оппозиции». Вместе с тем по состоянию на 2016 г. из ФРГ в Сирию выехало как минимум 760 немецких граждан, зачастую арабского или турецкого происхождения, отправившихся воевать в различных радикальных исламистских группировках. Совокупно из стран Западной Европы в Сирию выехало более 5 тыс. боевиков [Сколько террористов ..., 2016].

После терактов в Париже 13 ноября 2015 г. Германия в ответ на призыв Франции о взаимной обороне от террористической угрозы присоединилась к международной коалиции, борющейся против «Исламского государства»* (ИГ*) в Сирии и Ираке. В иракском Эрбиле была развернута немецкая база подготовки курдских военных формирований, а в Иордании – авиабаза для самолетов-заправщиков. 28 января 2022 г. мандат миссии был продлен до 31 октября 2022 г. [Der Einsatz ..., 2022].

При этом Германия крайне негативно воспринимала военные операции Турции на севере Сирии против курдских сил самообороны. Официальная Анкара мотивировала свои действия необходимостью борьбы с Рабочей партией Курдистана, признанной террористической организацией и в Турции, и в ЕС. Однако в 2019 г. Берлин даже принял решение о неофициальном эмбарго на поставки вооружений Анкаре [Германия озвучила ..., 2019].

После того как официальный Дамаск с 2015 г. стал получать военную помощь от ИРИ и РФ, в борьбе с ИГ*, «Джебхат-ан-Нусрой»* и другими радикальными НВФ произошел перелом. Тем не менее ФРГ по-прежнему продолжает оказывать поддержку курдским формированиям и «умеренной оппозиции». Германские дипломаты предпринимают усилия по возвращению в ФРГ жен и детей боевиков радикальных исламистских группировок, имеющих гражданство Германии: с этой целью немецкие парламентарии и представители общественных организаций регулярно посещают те районы страны, которые контролируются курдскими военными формированиями или протурецкими оппозиционными силами [Außenministerin Baerbock ..., 2022].

Подразделения бундесвера использовались в составе П западной антитеррористической коалиции в Сирии и Ираке с де-

кабря 2015 г. В частности, немецкие самолеты-заправщики с базы Инджирлик в Турции, а затем с базы Аль-Азрак в Иордании направляли истребители Франции и других стран-союзниц, патрулировавших воздушное пространство Сирии. Однако на фоне успехов России и Ирана бундесвер с января 2022 г. отказался от активности в воздушном пространстве Сирии [Der Einsatz ..., 2022].

Германия не настаивает на необходимости насильственной смены режима в Сирии, за что во время первой фазы гражданской войны в этой стране ратовали Соединенные Штаты, Франция и Великобритания [За компанию с ИГИЛ ..., 2015]. Позднее, при Д. Трампе, администрация США отказалась от претворения в жизнь таких планов [США не будут ..., 2017]. Однако на дипломатическом уровне официальный Берлин отказывается считать правительство Б. Асада легитимным, предпочитая вести диалог с антиасадовскими оппозиционными силами из числа курдов, умеренных исламистов, и прежде всего арабов-суннитов. После 2015–2016 гг. критика в адрес Б. Асада стала звучать реже, и вопрос о нелегитимности сирийского режима уже не поднимался с таким напором, как раньше. Основные усилия немецкого МИД и различных правительственных организаций сейчас сосредоточены на гуманитарных миссиях и формировании структур местного самоуправления на севере страны. Так, в мае 2022 г. правительство ФРГ согласовало выделение дополнительно 1 млрд евро на гуманитарные программы в Сирии [Die Not der Menschen ..., 2022].

Ирак: активная помощь курдам, инструктаж, логистика

После вторжения США и их союзников в Ирак (2003) правительство ФРГ отказалось посылать подразделения бундесвера в состав международной коалиции, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны тогдашнего президента США Дж. Буша-мл. Поскольку вследствие дезинтеграции Ирака как государства на его территории стремительно активизировались многочисленные террористические группировки, в 2014 г. была создана II западная антитеррористическая коалиция. Ее задачей было противостояние ИГ* и другим террористическим организациям, претендовавшим

на создание глобального халифата на территории Ирака, Сирии и ряда других стран региона.

В августе 2014 г. федеральное правительство Германии приняло решение о поставках оружия и боеприпасов курдским силам пешмерга на севере Ирака. В сентябре 2014 г. федеральный канцлер А. Меркель заявила о выделении 92 млн евро на поставки вооружений иракским курдам. Поставки должны были включать стрелковое оружие, боеприпасы и даже легкую бронированную технику; этих поставок должно было хватить для формирования пехотной бригады численностью до 4 тыс. человек [Gibson, 2015]. Данное решение было особенно значимым с учетом того, что ранее Германия избегала поставлять оружие воюющим сторонам (исключением были случаи борьбы с радикальными исламистскими группировками, например в Афганистане с 2002 по 2021 г.). В декабре 2014 г. была развернута немецкая военно-инструкторская миссия в иракском Эрбиле.

Помимо военных в Ирак были направлены и гуманитарные миссии ФРГ. В первую очередь их целью было не допустить повторения миграционного кризиса 2015 г., когда в Германию прибыло более 1,1 млн беженцев из Сирии, Ирака и других стран региона [So viele Flüchtlinge ..., 2016].

Турция: сложное, но необходимое партнерство

На отношения ФРГ и Турции оказывают влияние несколько важных факторов: многолетние переговоры о вступлении Турции в ЕС; присутствие в Германии многочисленной турецкой диаспоры (по данным на 2019 г., 2,82 млн человек турецкого происхождения) [Bevölkerung ..., 2022]; курс Анкары на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, зачастую несовместимую с демократическими ценностями стран Евро-Атлантического сообщества. При этом Турция – единственная страна ближневосточного региона, состоящая в НАТО, что делает ее важным актором, роль которого Берлину необходимо учитывать в своей ближневосточной политической повестке. Турция тоже считает Германию своим важным партнером в ЕС и НАТО и, в свою очередь, – также

воспринимает ее сквозь призму политических разногласий в политике ценностей.

Вот уже более двадцати лет Турция пытается добиться статуса полноправного члена ЕС. Переговоры об этом ведутся непрерывно, но реальными результатами стали лишь соглашение о свободной торговле и отмена импортных пошлин, что позволило сторонам существенно увеличить взаимный товарооборот. Пока Турция остается кандидатом в члены ЕС.

Если до прихода к власти Р.Т. Эрдогана курс на вступление в ЕС можно было рассматривать как политический выбор, сделанный руководством страны в пользу европейского пути развития, то Р.Т. Эрдоган, опирающийся на идеи турецкого национализма и неосманизма, придал этому курсу прагматический, экономически мотивированный характер. Современная Турция считает возможность членства в ЕС стимулом для экономического развития, полагая при этом, что сможет решить проблему занятости населения, используя общеевропейский рынок труда.

Важной вехой, продемонстрировавшей особую роль Турции в ближневосточной политике Германии, стало соглашение 2016 г. о размещении сирийских беженцев на территории Турции. По состоянию на 2022 г. в Турцию въехало более 3,6 млн человек из Сирии, ищущих убежища. Совместный план действий, согласованный в октябре 2015 г. и инициированный на саммите ЕС – Турция 29 ноября 2015 г., был направлен на упорядочивание миграционных потоков и пресечение нелегальной миграции из Турции в ЕС. Соответствующее соглашение, подписанное 18 марта 2016 г., предусматривало создание Фонда ЕС для беженцев в Турции. Совокупно ЕС выделил 6 млрд евро двумя траншами. Первый транш был предназначен для финансирования проектов до середины 2021 г., второй транш – для финансирования проектов до середины 2025 г. Данное соглашение было направлено на то, чтобы приостановить поток миграции из Сирии в ЕС (прежде всего в Германию), чтобы избежать негативных политических последствий для правительства А. Меркель.

Результатом заключения соглашения стало резкое сокращение нелегальной иммиграции в ЕС. Число незаконных пересече-

ний границы ЕС через Эгейское море уменьшилось с 885 тыс. в 2015 г. до 42 тыс. в 2017 г. [Kirişci, 2021]. Однако перспективы интеграции и расселения сирийских беженцев в Турции выглядят не слишком обнадеживающими. По расчетам Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ; *англ.* United Nations High Commissioner for Refugees, UNHCR), в 2021 г. Турции потребовалось более 420 тыс. мест для расселения беженцев. При этом по состоянию на конец ноября 2020 г. из Турции обратно в Сирию выехало всего 3867 беженцев по сравнению с 10 286 в ноябре 2019 г. [Ibid.]. Местная интеграция в форме предоставления беженцам возможности получить гражданство также провалилась. По данным соцопросов, 87% граждан Турции полагают, что сирийцам «не следует предоставлять никаких политических прав», а 76,5% выступают против предоставления беженцам турецкого гражданства [Ibid.].

В политическом плане в последнее десятилетие отношения Турции и Германии заметно охладели, в частности, из-за того, что власти ФРГ запретили турецкому лидеру выступать в Германии перед своими сторонниками (в рамках предвыборных кампаний в Турции), а также из-за того, что Берлин неоднократно критиковал Анкару за нарушения прав человека. Репрессии против политических оппонентов после неудавшегося путча, направленного против Эрдогана, также послужили основанием для масштабной критики со стороны Германии в адрес турецкого руководства. Дополнительное напряжение создавали несогласие Берлина с действиями Анкары, которая в первые годы гражданской войны в Сирии вводила войска в населенные преимущественно курдами районы САР, а также отказ Берлина поддержать идею о необходимости наступательного использования потенциала НАТО на сирийском направлении.

Тем не менее на фоне безрезультатных переговоров о членстве Турции в ЕС и критики, звучащей из Берлина в адрес турецкого президента, товарооборот между ФРГ и Турцией стабильно растет. Так, за период с 2002–2018 гг. он вырос почти втрое – с 12,9 млрд долл. в 2002 г. до 35,5 млрд долл. в 2016 г. В 2015–2016 гг. Германия заняла первое место по экспорту и второе – по импорту

в торговле с Турцией [Аюпова, Корнилов, 2017]. По данным на 2021 г., товарооборот двух стран достиг рекордных 41 млрд долл. [Товарооборот ..., 2022].

Сильным негативным фактором в отношениях Турции и ФРГ стало неофициальное оружейное эмбарго, которое Берлин ввел осенью 2019 г. в ответ на вторжение турецкой армии на север Сирии, в области, контролируемые курдскими вооруженными формированиями, которые поддерживает, финансирует и обучает Германия. Согласно Докладам федерального правительства Германии об экспортной политике в области обычных вооружений, Турция получила в 2019 г. ВиВТ (вооружений и военной техники) на 31,6 млн евро [Bericht ..., 2020, S. 100, 103–116], а в 2020 г. – на 22,9 млн евро [Bericht ..., 2021, S. 97–101, 113, 115–127]. В дальнейшем поставки осуществлялись только по тем контрактам, которые были заключены между Турцией и Германией до октября 2019 г., из-за чего в Турции возникли проблемы с реализацией некоторых военно-технических программ, в частности в области танкостроения. Помимо этого, Германия ввела дополнительные антитурецкие санкции после того, как турецкие корабли стали заниматься разведкой месторождений в Восточном Средиземноморье, в спорном регионе Эгейского моря между Турцией и Грецией. В этом регионе действует морская миссия бундесвера.

Одна из самых серьезных проблем, осложняющих диалог Анкары и Берлина, – «кипрский вопрос». Германия требует от Турции признать легитимность правительства Республики Кипр, так как в противном случае нет возможности нормализовать отношения Анкары с некоторыми другими членами ЕС (прежде всего с Грецией). Так, в декабре 2006 г. переговоры Турции с ЕС были приостановлены из-за несогласия турецкой стороны с 8 (из 35) пунктами интеграции, непосредственно связанными с «кипрским вопросом» [Дворядкина, Черненко, 2014].

Таким образом, можно отметить, что Германия в своих отношениях с Турцией придерживается политики экономического прагматизма. С одной стороны, ФРГ критикует Турцию в отношении курдской проблемы, политических репрессий, вводит оружейное эмбарго, поддерживает приостановку переговоров о всту-

плении Турции в ЕС, с другой – стабильно наращивает товарооборот и ведет активные переговоры по важным для обеих стран темам.

Иран: проблемы сохранения «ядерной сделки» и активизация диалога

Отношения ФРГ с Исламской Республикой Иран (ИРИ) в последние два десятилетия развиваются главным образом в контексте проблем, связанных с иранской ядерной программой. Международные санкции, которые ввели США и их союзники после победы Исламской революции (1979), не дают возможности ФРГ и другим странам ЕС выстраивать полноценные экономические взаимоотношения с ИРИ, а закрытость Ирана и антизападный настрой общества этой страны делают малоосуществимой стратегию «мягкой» силы и народной дипломатии, которую Германия с таким успехом применяла, например, в Восточной Европе и в странах постсоветского пространства.

Следует отметить, что до революции 1979 г. ФРГ была важным партнером Ирана во внешней торговле; более трети всех промышленных мощностей Тегерана построены при участии немецких компаний [Deutschland und Iran ..., 2021]. Особый подход немецкой дипломатии к Ирану обусловлен длительными экономическими связями двух стран еще с 1960-х годов: это позволило Германии сохранить тесные связи с Ираном и после революции 1979 г. Именно желание немецкого бизнеса вернуться в Иран обуславливает активизацию немецкой дипломатии на этом направлении. В данном случае, как подчеркивает Ф.О. Трунов, официальный Берлин проводит политику, которая может «стать залогом успешного встраивания ФРГ» в региональную подсистему Ближнего и Среднего Востока (БСВ) [Трунов, 2020].

В широком политическом контексте Германия (несмотря на инициативу по закрытию атомных станций на собственной территории) выступает за право любой страны развивать мирную атомную энергетику. Однако в том, что касается ядерного оружия, Берлин неуклонно следует принципу нераспространения оружия массового уничтожения и проявляет особое внимание к вопросу появления ОМП у стран, не входящих в «ядерный клуб». В этом

смысле ФРГ – уникальная держава: она добровольно отказалась от производства любых видов ОМУ/ОМП (согласно Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г.).

С точки зрения Берлина, Тегеран переступил «красную черту» в 2006 г., когда эксперты МАГАТЭ заявили, что в Иране имеется большое количество незарегистрированных центрифуг для обогащения урана, – факт, косвенно свидетельствующий о наличии военной составляющей в ядерной программе страны. После принятия в декабре 2006 г. резолюции СБ ООН № 1737, требовавшей сворачивания ядерной программы ИРИ, позиции основных стран-переговорщиц разделились. США, Франция и Великобритания заняли жесткую позицию, в то время как Германия присоединилась к более умеренной позиции России и Китая. Получившийся формат Е3+3 (как его называли в ФРГ) предотвращал риск открытой конфронтации между США и Ираном: позиция ФРГ была своего рода противовесом совместной позиции Израиля и США, которые, помимо введения дополнительных санкций против ИРИ, планировали авиаудары по иранским ядерным объектам, оказывали давление на третьи страны, требуя прекратить поставки технологий и вооружений, которые могли бы усилить обороноспособность Ирана. Берлин же старался придерживаться принципов «мягкой» силы (не забывая об интересах германского бизнеса, пострадавшего из-за наложенных на ИРИ санкций).

Ключевой вехой в диалоге по иранской ядерной программе стал Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) от 14 июля 2015 г. – политическое соглашение, которое подписали Иран и шесть государств – США, Россия, КНР, Великобритания, Франция и Германия. Важнейшую роль в подготовке и подписании этого документа сыграл министр иностранных дел ФРГ Ф. Штайнмайер. СВПД предусматривал постепенное сворачивание военной программы Ирана и допуск инспекторов МАГАТЭ на иранские ядерные объекты в обмен на постепенное снятие санкций. Примечательно, что из шести стран-участниц, подписавших «ядерную сделку» с Ираном, Германия была единственным государством, не являющимся постоянным членом Совета Безопасно-

сти ООН. Более того, как отмечают некоторые исследователи, именно Германия стала наиболее активной защитницей СВПД от его противников в Евро-Атлантическом сообществе [Трунов, 2020].

Односторонний выход из этого соглашения Соединенных Штатов при президенте Д. Трампе (2018) поставил под угрозу дальнейшую реализацию СВПД и практически свел на нет предыдущие дипломатические усилия в отношении иранской ядерной программы. МИД ФРГ выступило с чрезвычайно резкой критикой такого шага. Для немецкой внешней политики это было новым явлением, но впоследствии Берлин неоднократно выступал с критикой внешнеполитического курса Д. Трампа. При этом следует отметить, что решение Д. Трампа выйти из «ядерной сделки» с Ираном поддержали Саудовская Аравия и Израиль, основные противники ИРИ в регионе.

В последующие годы немецкая дипломатия неоднократно пыталась найти способы спасти СВПД. Так, в июне 2019 г. министр иностранных дел ФРГ Х. Маас посетил с официальным визитом Тегеран и Абу-Даби и провел переговоры с целью сохранить «ядерную сделку» [Leithäuser, 2019]. С начала апреля 2021 г. Германия в рамках «европейской тройки» ведет интенсивные консультации с Россией, Китаем и США о возможности возвращения Вашингтона к переговорам об иранской ядерной программе [Deutschland und Iran ..., 2021]. Эти усилия приобрели особую актуальность, когда стало известно, что Тегеран начал обогащение урана в подземном центре Фордо. В начале 2022 г. представители европейской дипломатии даже выражали надежду, что ИРИ вернется к предусмотренной СВПД квоте на уровень обогащения урана в 3,67% [Koelbl, 2022].

Таким образом, на иранском направлении основные усилия ФРГ сконцентрированы на достижении соглашения по иранской ядерной программе, но «в уме» в Берлине держат многомиллиардные контракты, которые станут возможны для германского бизнеса в случае поэтапного снятия с Тегерана экономических санкций.

Арабо-израильской конфликт: попытка развивать многовекторность

Одним из важнейших направлений немецкой ближневосточной политики по-прежнему остается обеспечение безопасности Израиля в силу исторической ответственности Германии за будущее еврейского государства [Jakobs, 2001].

В соответствии с Люксембургским репарационным договором (1952), ФРГ в течение 14 лет выплачивала Израилю репарации в размере 200 млн немецких марок в год, затем эти выплаты сменились специальными займами с целью оказания финансовой помощи молодому еврейскому государству. Совокупно вплоть до 2013 г. ФРГ выплатила Израилю в различной форме около 70 млрд евро [Inat, 2015]. Начиная с 1970-х годов ФРГ развивает отношения также и с арабскими государствами: это экономически оправдано (поставки энергоносителей, рынки сбыта), но порой непросто ввиду особого режима отношений Берлина и Тель-Авива.

ФРГ активно выступает в роли посредника в урегулировании многолетнего арабо-израильского конфликта. Когда в 2001 г. был сформирован четырехсторонний институт международных посредников по урегулированию на Ближнем Востоке (так называемый ближневосточный квартет в составе России, США, ЕС и ООН), именно ФРГ стала одним из государств-инициаторов разработки «дорожной карты» мирного урегулирования, которая была официально представлена руководителям Израиля и Палестинской автономии в 2003 г. [Берг, 2009]. В дополнение к этому Германия является вторым после США донором процесса урегулирования. Такой подход приносит свои политические дивиденды: по опросам общественного мнения на палестинских территориях, доверие арабского населения к германской дипломатии достаточно высоко, а имидж ФРГ лучше, чем США [Павлов, Хдери, 2018].

Германская дипломатия последовательно выступает в поддержку Израиля на мировой арене. Тем не менее следует отметить, что Берлину не всегда удается соблюдать баланс интересов между Израилем и палестинцами. Так, в 2017–2019 гг. официальные лица ФРГ, как и многие их партнеры по ЕС, критиковали

строительство еврейских поселений на палестинских территориях [Berlin kritisiert ..., 2019], что привело к определенному охлаждению в отношениях Берлина с Тель-Авивом. Некоторые эксперты отмечали, что в 2017 г., критикуя строительство израильских поселений в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу реки Иордан, Германия впервые выступила с позиций, противоречивших интересам Израиля, но при этом созвучных позиции США, высказанной 28 декабря 2016 г. тогдашним госсекретарем Д. Керри [Ханнанова, 2017б].

Однако в некоторых случаях Берлин выражает несогласие и с действиями Вашингтона – важнейшего союзника Израиля в регионе. Так, решение Д. Трампа перенести посольство США из Тель-Авива в Иерусалим, вызвавшее бурные протесты в арабском мире и ставшее причиной очередного витка напряженности в арабо-израильских отношениях, в Берлине оценили негативно.

Исследователи отмечают, что официальной позицией Берлина по вопросу ближневосточного урегулирования считается тезис о том, что «достижение безопасности Израиля возможно только путем создания демократического, миролюбивого и жизнеспособного государства для палестинского народа» [Павлов, Хдери, 2018]. Тем не менее ФРГ не поддержала инициативу Палестинской автономии подать заявку в ООН о признании Палестины как независимого государства. Во время боевых действий Израиля в Ливане в 2006 г. и секторе Газа в 2008 и 2014 гг. Германия также воздерживалась от критики в адрес Тель-Авива. При этом, как уже говорилось выше, она приняла активное участие в миссии UNIFIL, одной из целей которой, помимо подготовки ливанских вооруженных сил и патрулирования ливанской морской границы, стало недопущение нового наступления Израиля на юг Ливана.

ФРГ играет важную роль в деле укрепления обороноспособности Израиля. Военная поддержка, которую Берлин оказывает Тель-Авиву, усилилась в годы пребывания у власти А. Меркель. ФРГ много лет остается вторым после США экспортером оружия в Израиль (ее доля в израильском импорте вооружений составляет около 24% [Falk, 2021]), при этом номенклатура экспорта вооружений включает дизель-электрические подводные лодки, танковые

двигатели, компоненты электронного оснащения танков и боевых вертолетов, стреловое оружие и др. На экспорт в Израиль не распространяются принципы «государственного пацифизма» политики Берлина, согласно которым ФРГ стремится не поставлять вооружение странам, ведущим боевые действия.

В целом можно сказать, что в течение последнего десятилетия ФРГ остается важным актором в ближневосточной политике, хотя ориентируется на позицию других крупных игроков (США, Саудовская Аравия и пр.). Роль Германии как важного посредника в процессе ближневосточного урегулирования остается неизменной. Так, в мае 2021 г. министр иностранных дел ФРГ Х. Маас во время визита в Израиль повторил стандартную внешнеполитическую формулу о солидарности с Израилем и стремлении к миру между евреями и палестинцами [Bundesaußenminister ..., 2021]. В рамках такого подхода ФРГ проявляет военную и политическую солидарность с Израилем при одновременной финансовой помощи Палестинской автономии. При этом в течение последних 15 лет в деятельности германской дипломатии на Ближнем Востоке прослеживается тренд на выстраивание большей многовекторности во внешнеполитической повестке.

Монархии Персидского залива: от энергетики до оружейного эмбарго

В течение последних десятилетий правительство ФРГ проводило планомерную политику по развитию взаимоотношений с Саудовской Аравией. Так, по мере укрепления двусторонних экономических связей в 2012 г. в Джидде был открыт дополнительный визовый отдел ФРГ. По мнению экспертов, экономическое сотрудничество двух стран имеет большой потенциал не только в области добычи углеводородов, но и в сферах освоения возобновляемых источников энергии, медицины и здравоохранения, которые традиционно являются важной составляющей немецкого экспорта.

Причиной некоторого охлаждения в отношениях между Берлином и Эр-Риядом стало убийство журналиста Дж. Хашогги в здании консульства Саудовской Аравии в Стамбуле в 2018 г. Другой причиной стало использование поставляемых Эр-Рияду вооружений германского производства для проведения коалицией

стран – участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) во главе с Саудовской Аравией военной операции в Йемене. В ответ на это в 2018–2020 гг. Германия ввела эмбарго на поставки вооружений в Саудовскую Аравию; в настоящее время правящая коалиция ФРГ рассматривает вопрос его продлении [Ampel will ..., 2022].

Поставки оружия, в котором нуждаются ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар и пр., всегда были важным фактором внешней политики ФРГ в регионе Персидского залива. По данным на 2015 г., пик поставок вооружений пришелся именно на начало военной операции в Йемене: в то время в государства Ближнего Востока направлялось около 35% от общего объема оружейного экспорта ФРГ (совокупно 7,9 млрд евро) [Ханнанова, 2017а]. В 2012 г. Саудовская Аравия закупила в Германии оружия на 1,2 млрд евро, в 2015 г. Катар закупил продукцию немецкого ВПК на 1,6 млрд евро [Ibid.]. Общая стоимость лицензий на экспорт немецкой военной техники в Саудовскую Аравию в 2010–2020 гг. составила 3,3 млрд евро [Falk, 2021]. В 2020 г., несмотря на введенное эмбарго, правительство ФРГ одобрило экспорт оружия на 1,16 млрд евро в страны, вовлеченные в конфликты в Йемене или Ливии [Ibid.]. Журналисты катарского канала «Аль-Джазира» в связи с этим приводят мнение исследователя из Стокгольмского института исследования проблем мира (англ. Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI) П.Д. Веземанна: «Страны, подобные Германии, которые проводят внешнюю политику, направленную на поддержку мира, развития и прав человека, должны тщательно и регулярно проверять, не противоречит ли их политика экспорта оружия их внешнеполитической линии» [Ibid.].

Другой важный аспект экономического сотрудничества ФРГ и монархий Персидского залива – энергетический вопрос, который становится крайне существенным в контексте отказа Германии от экспорта энергоносителей из России. Таким образом, значимость Катара и отчасти Кувейта во внешней политике Берлина может возрасти.

***

В настоящее время наиболее значимым направлением в германской политике является внешнеполитическая деятельность, связанная с событиями на Украине. Но это не означает, что активность Берлина на Ближнем Востоке будет сворачиваться. Напротив, ФРГ получает шанс позиционировать себя в этом регионе в качестве значимого международного посредника и участника мирного процесса. Линия на стратегическую поддержку Израиля вряд ли изменится в обозримом будущем. Что же касается затяжных конфликтов в Ливии, Сирии и Йемене, то и здесь не ожидается особых изменений: ФРГ будет действовать, как и прежде, сочетая «мягкую» силу в виде гуманитарных программ с «жесткой» силой в виде поставок оружия и подготовки военных (как боевых подразделений стран Персидского залива, так и формирований вооруженной оппозиции на территории Сирии).

В течение последних 15 лет важной особенностью немецкой внешней политики на Ближнем Востоке было постепенное выстраивание многовекторных отношений со странами региона. ФРГ уже может позволить себе несогласие с США по важным вопросам – палестинско-израильскому урегулированию, иранской ядерной сделке и пр. Однако снижение активности США как основного внешнеполитического игрока на Ближнем Востоке вряд ли приведет к возрастанию роли Германии в регионе. ФРГ привыкла следовать в фарватере политики «старшего брата», получая определенные экономические выгоды от умелого сочетания «мягкой» и «жесткой» силы.

Новому коалиционному правительству ФРГ предстоит ответить на важный вопрос: будет ли Германия в дальнейшем выступать как государство-миротворец на Ближнем Востоке или будет строить свои отношения со странами региона, исходя из соображений экономической выгоды, в частности, продавая большие партии вооружений ближневосточным монархиям?

В эпоху А. Меркель ФРГ сочетала свои интересы в гуманитарной сфере с экономически выгодным положением крупного поставщика вооружений на ближневосточные рынки. Есть все основания полагать, что и О. Шольц пойдет по тому же пути.

Литература/References

Антонов А. (2021). Берлин обвинил Асада в государственном терроризме // Взгляд. – Москва. – 24.04. – URL: <https://vz.ru/news/2021/4/24/1096268.html> (дата обращения: 16.08.2022) [Antonov A. (2021). Berlin accuses Assad of state terrorism [*Berlin obvinil Asada v gosudarstvennom terrorizme*] // Vzglyad. – Moscow. – 24.04. – URL: <https://vz.ru/news/2021/4/24/1096268.html> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

Аюпова Н.И., Корнилов А.А. (2017). Динамика экономического сотрудничества Турции с Германией в период правления Партии Справедливости и Развития // Вестник Нижегородского университета / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород. – № 4. – С. 16–24 [Ayupova N.I., Kornilov A.A. (2017). Dynamics of economic cooperation between Turkey and Germany during the reign of the Justice and Development Party [*Dinamika ekonomicheskogo sotrudnichestva Turtsii s Germaniei v period pravleniya Partii Spravedlivosti i Razvitiya*] // Bulletin of the Nizhny Novgorod univ. / N.I. Lobachevsky State univ. of Nizhny Novgorod. – Nizhny Novgorod. – N 4. – P. 16–24] (In Russian).

Белов В.Б. (2021). Внешняя политика Германии в условиях актуальных вызовов // Международная аналитика / Институт международных исследований ; МГИМО (У) МИД РФ. – Москва. – № 12 (3). – С. 38–58 [Belov V.B. (2021). German foreign policy in the context of current challenges [*Vneshnyaya politika Germanii v usloviyakh aktual'nykh vyzovov*] // International analytics / Institute for International Studies ; MGIMO Univ. – Moscow. – N 12 (3). – P. 38–58] (In Russian).

Берг И.С. (2009). ФРГ и израильско-палестинский диалог / Институт Ближнего Востока. – Москва. – 31.03. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=8385> (дата обращения: 16.08.2022) [Berg I.S. (2009). Germany and the Israeli-Palestinian dialogue [*FRG i izral'sko-palestinskii dialog*] / Middle East Institute. – Moscow. – 31.03. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=8385> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

Германия озвучила ответ Турции на операцию в Сирии. (2019) // Рамблер. – Москва. – 12.10. – URL: <https://news.rambler.ru/army/42978415/> (дата обращения: 16.08.2022) [Germany announced Turkey's response to the operation in Syria [*Germaniya ozvuchila otvet Turtsii na operatsiyu v Sirii*]. (2019) // Rambler. – Moscow. – 12.10. – URL: <https://news.rambler.ru/army/42978415/> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

Дворядкина А.А., Черненко Е.Ф. (2014). Турецкий вектор ближневосточной политики Германии // Вестник РУДН : Международные отношения / РУДН. – Москва. – № 3. – С. 49–58 [Dvoryadkina A.A., Chernenko E.F. (2014). Turkish vector of Germany's Middle East policy

[*Turetskii vektor blizhnevostochnoi politiki Germanii*] // Bulletin of RUDN : International relations / RUDN Univ. - Moscow. - N 3. - P. 49-58] (In Russian).

За компанию с ИГИЛ : США готовились свергнуть Асада 10 лет. (2015) // Вести. - Москва. - 13.12. - URL: <https://www.vesti.ru/article/1748288> (дата обращения: 16.08.2022) [For the company with ISIS : the US has been preparing to overthrow Assad for 10 years [*Za kompaniyu s IGIL : SShA gotovilis' svergnut' Asada 10 let*]. (2015) // Vesti. - Moscow. - 13.12. - URL: <https://www.vesti.ru/article/1748288> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

Павлов Н.В., Хдери К. (2018). Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ // Современная Европа / Институт Европы РАН. - Москва. - № 5. - С. 37-48 [Pavlov N.V., Khderi K. (2018). The Middle East vector of Germany's foreign policy [*Blizhnevostochnyi vektor vneshnei politiki FRG*] // Contemporary Europe / Institute of Europe RAS. - Moscow. - N 5. - P. 37-48] (In Russian).

Сколько террористов и из каких стран воюет в рядах ДАИШ : отчет The Soufan Group. (2016) // Eurasia Daily. - Москва. - 26.03. - URL: <https://easaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakikh-stran-voyuet-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group> (дата обращения: 16.08.2022) [How many terrorists and from which countries are fighting in the ranks of Daesh : The Soufan Group report [*Skol'ko terroristov i iz kakikh stran voyuet v ryadakh DAISH : otchet The Soufan Group*]. (2016) // Eurasia Daily. - Moscow. - 26.03. - URL: <https://easaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakikh-stran-voyuet-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

США не будут свергать Асада. (2017) // Газета. ру. - Москва. - 07.07. - URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/07/07/10776998.shtml> (дата обращения: 16.08.2022) [The US will not overthrow Assad [*SShA ne budut svergat' Asada*]. (2017) // Gazeta.ru. - Moscow. - 07.07. - URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/07/07/10776998.shtml> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

Товарооборот Турция - Германия достиг рекорда. (2022) // RestProperty. - Москва. - 01.03. - URL: <https://restproperty.ru/news/tovarooborot-turtsiya-germaniya-dostig-rekorda/> (дата обращения: 16.08.2022) [Trade turnover between Turkey and Germany reached a record [*Tovarooborot Turtsiya - Germaniya dostig rekorda*]. (2022) // RestProperty. - Moscow. - 01.03. - URL: <https://restproperty.ru/news/tovarooborot-turtsiya-germaniya-dostig-rekorda/> (date of access: 16.08.2022)] (In Russian).

Трунов Ф.О. (2019). Участие ФРГ в стабилизации конфликтогенных государств Азии и Африки // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН

РАН. – Москва. – № 4. – С. 187–209 [Trunov Ph.O. (2019). German participation in the stabilization of conflict-generating states in Asia and Africa [*Uchastie FRG v stabilizatsii konfliktogennykh gosudarstv Azii i Afriki*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 4. – P. 187–209] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.04.11.

Трунов Ф.О. (2020). Феномен державы без права на обладание ОМУ/ОМП : Германия и кризис контроля над вооружениями // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 3. – С. 118–143 [Trunov Ph.O. (2020). The phenomenon of the power without the right to possess WMD : Germany and the arms control crisis [*Fenomen derzhavy bez prava na obladanie OMU/OMP : Germaniya i krizis kontrolya nad vooruzheniyami*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 3. – P. 118–143] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.03.06.

Ханнанова Г.А. (2017а). Особенности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Вестник РУДН : Международные отношения / РУДН. – Москва. – № 4(17). – С. 760–769 [Khannanova G.A. (2017a). Features of Germany's foreign policy in the Middle East and North Africa [*Osobennosti vneshnei politiki FRG na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike*] // Bulletin of RUDN : International relations / RUDN Univ. – Moscow. – N 4(17). – P. 760–769] (In Russian).

Ханнанова Г.А. (2017б). Роль ФРГ в урегулировании ближневосточного конфликта : история и современность // Вестник КГУ / Кубанский государственный университет. – Краснодар. – № 1 – С. 15–20 [Khannanova G.A. (2017b). The role of Germany in the settlement of the Middle East conflict : history and modernity [*Rol' FRG v uregulirovanii blizhnevostochnogo konflikta : istoriya i sovremennost'*] // Bulletin of KSU / Kuban State Univ. – Krasnodar. – N 1 – P. 15–20] (In Russian).

Ampel will Verlängerung des Waffenexportstopps nach Saudi-Arabien überprüfen. (2022) // Der Spiegel. – Berlin. – 22.06. – URL: <https://www.spiegel.de/ausland/saudi-arabien-ampel-will-ende-des-waffenexportstopps-ueberpruefen-a-82bccd9e-e5ef-4ed9-be35-57ba158914ec> (date of access: 16.08.2022).

Asseburg M. (2021). The one-state reality in Israel/Palestine : a challenge for Europe and other parties interested in constructive conflict transformation // Pathways to peace and security / IMEMO RAS. – Moscow. – N 2 (61). – P. 96–109. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2021/02/06_Asseburg_final.pdf (date of access: 16.08.2022).

Außenministerin Baerbock zur Rückholaktion aus Nordostsyrien : Pressemitteilung. (2022) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 30.03. – URL:

<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/baerbock-rueckholung-nordostsyrien/2520068> (date of access: 16.08.2022).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 : Rüstungsexportbericht 2019. (2020) / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. - Berlin. - 128 S. - URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Aussenwirtschaft/ruestungsexportbericht-2019.html> (date of access: 16.08.2022).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 : Rüstungsexportbericht 2020. (2021) / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. - Berlin. - 140 S. - URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bericht-der-bundesregierung-ueber-ihre-exportpolitik-fuer-konventionelle-ruestungsgueter-im-jahre-2020-1945318> (date of access: 16.08.2022).

Berlin kritisiert Siedlungsbau. (2019) // Süddeutsche Zeitung. - München. - 06.11. - URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/israel-berlin-kritisiert-siedlungsbau-1.4670720> (date of access: 16.08.2022).

Bevölkerung Deutschlands 2022 : Anzahl, Bevölkerungsdichte, Bevölkerungswachstum nach Jahr und Bundesland, Alter, Nationalität, Religion, Geschlecht. (2022) // Ru-Geld. - Hamburg. - URL: <https://ru-geld.de/de/statistik/population-of-germany.html> (date of access: 16.08.2022).

Bundesaußenminister Heiko Maas in Israel : Solidaritätsbekundung statt Vermittlungsbemühung. (2021) // RT. - Berlin. - 20.05. - URL: <https://de.rt.com/inland/117804-bundesaussenminister-heiko-maas-in-israel/> (date of access: 16.08.2022).

Der Einsatz in Jordanien und im Irak. (2022) / Bundeswehr. - Potsdam. - 2 S. - URL: <https://www.bundeswehr.de/resource/blob/41794/b6a7f71e43d5240c4780c92b81c439b1/download-broschuere-die-bundeswehr-ueber-syrien-im-irak-und-in-jordanien-data.pdf> (date of access: 16.08.2022).

Deutschland und Iran : bilaterale Beziehungen. (2021) / Auswärtiges Amt. - Berlin. - 14.09. - URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/iran-node/bilaterale-beziehungen/202402> (date of access: 16.08.2022).

Die Not der Menschen in Syrien wächst jeden Tag : Deutschland sagt über eine Milliarde Euro an Unterstützung zu. (2022) / Auswärtiges Amt. - Berlin. - 09.05. - URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/syrien-node/syrien-huhi/2525666> (date of access: 16.08.2022).

Falk Th.O. (2021). Germany's post-Merkel Middle East policy : what to expect // Al Jazeera. - Doha. - 20.09. - URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/20/germanys-post-merkel-middle-east-policy-what-to-expect> (date of access: 16.08.2022).

Gibson B.R. (2015). German arms to Kurds reflects major shift in Middle East policy // Middle East Eye. – Cairo. – 12.02. – URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/german-arms-kurds-reflects-major-shift-middle-east-policy> (date of access: 16.08.2022).

İnat K. (2015). Germany's Middle East policy / Center for Middle Eastern studies (ORSAM). – Ankara. – 11.06. – URL: <https://orsam.org.tr/en/germany-s-middle-east-policy/> (date of access: 16.08.2022).

Jacobs A. (2001). Deutschland und der Nahe und Mittlere Osten : Standortbestimmung und Handlungsempfehlung / Konrad-Adenauer-Stiftung. – Sankt Augustin. – 46 S.

Kirişçi K. (2021). As EU-Turkey migration agreement reaches the five-year mark, add a job creation element / The Brookings Institution. – Washington, D.C. – 17.03. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/03/17/as-eu-turkey-migration-agreement-reaches-the-five-year-mark-add-a-job-creation-element/> (date of access: 16.08.2022).

Koelbl S. (2022). Jetzt haben es die Nuklearunterhändler eilig // Der Spiegel. – Berlin. – 21.02. – URL: <https://www.spiegel.de/ausland/iran-und-usa-ringen-um-schnellen-atomdeal-in-wien-a-e3bb4e75-a667-473f-9c45-ea5e91f0f294> (date of access: 16.08.2022).

Leithäuser J. (2019). ABU DHABI Maas will «eine Eskalationsspirale unbedingt verhindern» // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt am Main. – 09.06. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/besuch-in-abu-dhabi-maas-will-eine-eskalationsspirale-unbedingt-verhindern-16229336.html> (date of access: 16.08.2022).

Maier S., Schmidt-Feuerheerd B. (2016). Germany's foreign and security policy in Syria and Iraq, 2011–2016 / King Faisal Center for research and Islamic studies. – Riyadh. – 34 p. – URL: <https://www.kfcris.com/pdf/60baeb7eca8a858cebea57461e5e52e45832d81a55c4e.pdf> (date of access: 16.08.2022).

So viele Flüchtlinge kamen 2015 nach Deutschland. (2016) // Süddeutsche Zeitung. – München. – 06.01. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fluechtlinge-so-viele-fluechtlinge-kamen-2015-nach-deutschland-1.2806558> (date of access: 16.08.2022).

UNIFIL : maritime Führung aus einer Hand. (2022) / Bundeswehr. – Berlin. – 25.05. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/die-bundeswehr-im-libanon/unifil-maritime-fuehrung-5435026> (date of access: 16.08.2022).

© Kamkin A.K.¹, 2022

Middle-Eastern vector of German foreign policy (2010–2022)

Abstract. *The article examines the development of German foreign policy in the Middle East. Among the reasons for its intensification in this region, the events of the «Arab Spring» stand out, which changed the political landscape of the Middle East and created the prerequisites for a possible violation of the territorial integrity of some countries in this region. This, in turn, led to a large-scale migrant crisis in the EU in 2015–2016, the consequences of which affected Germany to the greatest extent. It is noted that the most striking example of more active German diplomacy in the Middle East was an agreement with Turkey to finance its efforts to create camps for Syrian refugees. The continuity of Germany's foreign policy is shown: with regard to Iran, Germany consistently advocates a return to the Joint Comprehensive Plan of Action (the so-called «nuclear deal»); with regard to the Palestinian-Israeli conflict, Berlin has been advocating for the security of Israel and the peaceful settlement of the conflict for decades. It is emphasized that the share of the Middle East module in the foreign policy of Germany is constantly growing and that Germany is becoming one of the influential players in the region. The contacts of official Berlin with the monarchies of the Arabian Peninsula are considered. The conclusion is made about the multi-vector foreign policy of Germany in the Middle East.*

Keywords: *Germany, Middle East, Turkey, Syria, Israel, Palestine, Arab Spring, Iraq, Iran, international terrorism, migration.*

Статья поступила в редакцию (Received) 10.05.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 27.06.2022.

Принята к публикации (Accepted) 25.07.2022.

---

¹ *Kamkin Alexander Konstantinovich* – Ph.D. in Philosophy, Senior Researcher IMEMO RAS (alexander.kamkin@yahoo.com).